
Ирина Каштанова
Остров
двух
течений

Ирина Каштанова
Остров двух течений

https://litres.ru/74683972
SelfPub; 2026

Аннотация

Бриг «Альбатрос» разнесло о рифы в щепки. В живых остались только двое: молодой сын капитана Кристиан и старый чернокожий боцман Томас, чей непрошибаемый характер и крепкий морской юмор способны выдержать любой шторм.

Море выбросило их на берег загадочного острова, где привычные законы природы не работают. Здесь дома строят из пластиковых бутылок, еду варят на машинном масле, а рыбу ловят сетями из распущенного ПЭТ-пластика. Всеми религиями на этом странном клочке суши заправляет кельтский священник отец Малахия, а сам остров перегорожен зловещей цементной стеной с битым стеклом.

Решившись на ночной побег, Кристиан и Томас совершают страшное открытие. Остров стоит на перекрестке двух течений времени. Западное несет мусор из нашего потребительского «сегодня», а Восточное выбрасывает на берег тех, во что превратится человечество через триста лет — одичавших существ, растерявших разум и человеческий облик.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ирина Каштанова
Остров двух течений

Глава 1

Ты бабуин иль человек —
Подскажет то тридцатый век.
Лишь обезьяна потребляет,
А человек — соображает.
Купив в кредит очередной айфон,
Ты гордо выйдешь на балкон...
Но хвост растет, а ум сдает,
И бренд тебя не сбережет

Звезды и пластик

Океан не просто штормил — он сходил с ума. Чернильные, тяжелые волны высотой с трехэтажный дом обрушивались на палубу трехмачтового брига «Альбатрос» с пушечным грохотом. Ледяная соленая вода заливала палубу сплошным потоком, превращая доски в скользкий каток. Рев яростной бури полностью заглушал крики матросов, которые отчаянно пытались убрать остатки парусины. С треском лопались натянутые пеньковые ванты, снасти со свистом хлестали по воздуху, а фок-мачта, не выдержав очередного

страшного удара стихии, с сухим хрустом переломилась пополам.

Девятнадцатилетний Кристиан мертвой хваткой цеплялся за деревянный нагель у штурвального колеса, чувствуя, как ледяная соленая вода заливает глаза и разрывает легкие. Пальцы онемели от холода, мышцы ныли от предельного напряжения, но он понимал, что если отпустит штурвал хотя бы на секунду, корабль развернет лагом к волне и мгновенно опрокинет.

— Отец! — сорванным, сиплым голосом закричал парень в непроглядную темноту, но фигура капитана у компасного нактоуза уже скрылась под очередным гребнем колоссального водяного вала.

«Альбатрос» с размаху накренился на левый борт, наткнувшись на невидимый в ночи риф. Скрежет рвущегося железа обшивки отозвался в самых костях, а палуба резко встала дыбом. Корабль умирал под ударами стихии, и сделать с этим уже ничего было нельзя. В следующую секунду палуба буквально ушла из-под ног Кристиана. Очередная волна, черная и безжалостная, перекатилась через борт и швырнула его в ледяную бездну.

Вода мгновенно закрутила паренька, увлекая на глубину, как беспомощную щепку. Океан тащил его вниз, в темноту, лишая последних сил. Воздух в груди стремительно заканчивался, легкие горели от удушья, а сознание готово было окончательно угаснуть. Кристиан уже перестал бороться, по-

гружаясь в тяжелое оцепенение, как вдруг чья-то огромная, невероятно сильная и мозолистая ладонь намертво перехватила воротник его грязной холщовой рубахи.

Это был Томас. Пожилой, массивный негр, который служил старшим боцманом на «Альбатросе» еще до рождения Кристиана и знал парня с самых пеленок. Его широкое лицо исказила гримаса предельного напряжения, глаза были широко распахнуты. Удерживая парня мощным, мертвым замком одной руки, второй он умудрился зацепиться за всплывший рядом обломок кормового люка. Томас с трудом вытащил голову Кристиана на поверхность, давая ему возможность сделать судорожный глоток воздуха. После этого остальной мир для парня погрузился в глухую, тяжелую тьму.

Ревущее ночное течение еще долго несло разбитый деревянный люк сквозь непроглядную тьму, увлекая людей прочь от места крушения. Океан словно играл с двумя обессилевшими телами, то поднимая их на гребни утихающих волн, то опуская вниз. Огромная прибрежная волна с глухим рокотом подхватила деревянный обломок и с размаху вышвырнула его вместе с людьми на каменистую, шуршащую отмель, оставив два обессиленных тела лежать у кромки затихающего Океана. Они лежали неподвижно, облепленные мокрым песком, пока шторм окончательно не отступил, уступая место холодному рассвету.

Ранним утром, когда над Островом Двух Течений толь-

ко вставало тусклое солнце, двое местных собирателей пробирались через каменистые завалы у кромки прибоя. Океан лениво перекатывал синей волной миллионы разноцветных бутылок, канистр и сплющенных кабель-каналов, издавая тот самый монотонный искусственный гул. Вдруг один из собирателей, невысокий мужчина в жилете из прессованного брезента, резко остановился и дернул своего товарища за плечо.

— Эй, глянь туда, Марк! У старого люка кто-то лежит. Опять Западное течение покойников пригнало?

Второй собиратель, постарше, сплюнул в воду, поправил свои странные калоши из автомобильных шин и осторожно подошел ближе, всматриваясь в два неподвижных тела у кромки прибоя.

— Не похоже, Люк. Смотри, холщовая рубаха, штаны грубые... Это чистые «прошлые». И они вроде дышат. Давай, хватай парня за плечи, а я займусь этим огромным черным покойником. Если оставим их тут до прилива, Восточное течение быстро заберет их души к мутантам за стену.

Их пальцы свело судорогой, и собирателям пришлось приложить немало усилий, чтобы разжать руки моряков, намертво сцепившиеся на деревянном обломке. Бережно подняв спасенных, собиратели уложили их на свои тележки из plastic-овых поддонов и молча потащили наверх по каменистому склону холма, прямо в поселение.

Пробуждение в лазарете было долгим и тяжелым. Кристи-

ан судорожно открыл глаза, резко сел на постели и тут же зашелся в глубоком кашле, выплевывая остатки горькой морской воды. Голова кружилась, а перед глазами плыли серые круги.

Он лежал на жесткой кушетке в небольшом помещении. Вокруг царил непривычный, полупрозрачный зеленоватый свет, который мягко пробивался сквозь стены. Само жилище выглядело пугающе странно — Кристиан сразу понял, что оно построено не из привычного дерева или камня, но из-за сильной слабости не мог рассмотреть детали.

— Ну слава тебе, Колесо Фортуны, и на этот раз нас вывезло, малый! — раздался хриплый, добродушный голос со соседней койки.

Томас сидел на соседней кушетке, медленно разминая свои массивные плечи. На одном из них синел огромный багровый кровоподтек от удара сломанной мачты, одежда высохла и покрылась белой коркой соли, но старик тепло и открыто улыбался, глядя на пришедшего в себя парня. В его глазах светилось искреннее облегчение.

— Дядя Томас... Где мы? Что это за место? — Кристиан попытался подняться, но почувствовал такую сильную слабость во всем теле, что вынужден был снова опустить голову на жесткую подушку. — Голова раскалывается. Где наш «Альбатрос»? Где экипаж?

— На дне наш «Альбатрос», малый, — боцман тяжело вздохнул, его добродушная улыбка на мгновение угасла, и

он сочувственно покачал головой. — Океан разбил бригантину в щепки о те проклятые рифы. Из всей команды, похоже, только мы с тобой и уцелели. Но унывать негоже, малый, раз уж Колесо Фортуны сохранило наши шкуры. Остальных парней море закинуло на самый дальний пеленг. Сам не пойму, как мы тут очутились, у меня в голове до сих пор шторм шумит и компас крутится. Очнулся вот пару минут назад в этой чудной комнате. Свет тут зеленый, как в бутылке с элем.

Кристиан зажмурился, вспоминая последние минуты шторма, лицо отца, его спокойный голос, отдающий команды посреди хаоса. Чувство вины и тяжелой утраты мертвым грузом легло на сердце молодого матроса.

— Отец погиб... — тихо, почти беззвучно произнес Кристиан, глядя в потолок. — Я не смог удержать штурвал, дядя Томас. Если бы я был сильнее...

— А ну брось эти мысли, малый! — Томас строго нахмурился и подался вперед, насколько позволяло натруженное плечо. — Ты держался как настоящий бристольский лев! Твой отец, старый капитан, на небесах сейчас порадуется, что его сынок выжил и не пошел на корм акулам. Океан сильнее человека, против такой бури ни один корабль бы не устоял. Главное — мы дышим, руки-ноги целы. Наше Колесо Фортуны еще покрутится, Кристиан, вот увидишь! Мы живы, а со всем остальным мы уж как-нибудь разберемся. Старый Томас тебя в обиду не даст, слышишь?

Парень молча кивнул, глотая подступившие слезы. Доб-

родушные, уверенные слова боцмана немного уняли дрожь в теле. Кристиан снова огляделся, всматриваясь в необычную фактуру стен, которые казались полупрозрачными и странно преломляли солнечные лучи.

В этот момент скрипнула хлипкая дверь, и в комнату осторожно вошел человек в длинной, грубой темной рясе, подпоясанной обрывком толстого капронового каната. Это был мужчина лет пятидесяти, с удивительно ясными, проницательными глазами и аккуратной седой бородой. На его лице лежала печать глубокой мудрости и спокойствия. В руке он держал сучковатый тисовый посох, на который уверенно опирался при каждом шаге.

— Приветствую вас в нашем лагере, дети мои, — мягко и певуче произнес священник, проходя между коек. Его ясные глаза светились искренним состраданием и теплом. — Вы перенесли страшный Излом времени и чудом выжили. Океан забрал ваш корабль и ваших товарищей, это великое горе, но он сохранил ваши жизни для чего-то большего. Я отец Малахия, местный священник-кельт. Добро пожаловать на Остров Двух Течений. Отдыхайте, здесь вам ничего не угрожает.

Томас инстинктивно подался вперед, заслоняя Кристиана своим массивным телом от незнакомца. Лицо боцмана сделалось серьезным и настороженным, но он сохранял спокойствие, силясь понять, куда именно забросило их капризное Колесо Фортуны. Старик внимательно оглядел рясу священ-

ника, его капроновый пояс и тисовый посох.

Глава 2

Стены и тени

Когда они вышли наружу, прохладный морской воздух мгновенно выветрил из головы остатки лазаретной сырости. Кристиан замер на пороге, щурясь от яркого солнца и оглядываясь по сторонам. Поселение раскинулось по пологому каменистому склону холма. Местные жители, суетившиеся между круглыми постройками, были одеты в грубые брезентовые фартуки и широкие холщовые штаны, просмоленные у подолов от едкой береговой грязи. На ногах у многих красовались странные калоши, вырезанные прямо из старых автомобильных шин.

— Посмотри на их обувь, дядя Томас, — тихо прошептал Кристиан, дернув боцмана за рукав рубахи. — Они буквально ходят на кусках колес. Никогда ничего подобного не видел.

— Голь на выдумки хитра, малый, — добродушно отозвался старый негр, зашагав вслед за отцом Малахией. — Море примет любой материал, коли у тебя голова на плечах есть.

Чуть поодаль, у невысоких навесов, женщины разводили небольшие костры, приспосабливая под очаги старые железные ободья, и варили в потемневших котелках нехитрую похлебку. Кристиан с любопытством потянул носом воздух,

пытаясь угадать, чем пахнет местная стряпня, но к привычному запаху вареной рыбы примешивался какой-то странный, горьковатый оттенок.

Малахия повел их по узкой, петляющей тропинке вниз, к широкому скалистому мысу, который далеко уходил в пенящийся океан. Здесь, на самом краю обрыва, высился колоссальный деревянный механизм. Это был гигантский противовесный журавль, собранный из обломков толстых корабельных мачт и туго стянутый ржавыми цепями. Местные рыбаки звали его аистом.

Кристиан еще издалека приметил странное, колышущееся на ветру полотно, подвешенное к длинному деревянном плечу этого чудовища. Он ускорил шаг, обгоняя священника, подошел к самому краю обрыва и удивленно воскликнул:

— Дядя Томас, святой отец, да посмотрите же скорее! Эта сеть на аисте... она же полностью сделана из прозрачных пластиковых бутылок! Они нарезаны тонкими лентами и переплетены между собой! Какая диковинная снасть, она же совсем не гниет в воде! Интересно, сколько крупной рыбы можно за один подъем такой махиной набить, если опустить ее прямо в этот бурлящий котел у мыса? Здесь же глубина невероятная, и течение бьет прямо в скалу!

Малахия подошел ближе и спокойно указал рукой на покачивающуюся над водой снасть:

— Наш кормилец. Океан в этих местах щедр на улов, но прибоем здесь управлять непросто. С помощью этого меха-

низма мы добываем пропитание для всего лагеря. Западное течение приносит нам эти емкости в избытке, а капрон со временем перетирается о камни. Вот люди и научились распускать бутылки на прочные жилы.

Томас приблизился, критически оглядел толстые деревянные подпорки журавля, потрогал пальцем одну из тяжелых цепей и добродушно ухмыльнулся, одобрительно похлопав парня по плечу:

— Набить-то можно, малый. А сеть знатная. То, что мы выбрасывали на корабле как мусор, здесь людей кормит. Вот тебе и философия жизни, Кристиан. В Бристольских доках мы обрывки этих веревок за борт швыряли, не глядя, а на этом берегу пластиковая баклажка жизнь спасает. Всякая вещь, малый, цену имеет, коли приложить ее к правильному месту. Механика тут простая, но рабочая. Похоже, без старого Томаса они эту махину в сильный шторм все равно не удержат, так что придется помочь местным мужикам с воротом. Как думаешь, Кристиан, управимся вдвоем, если волна пойдет?

— С таким противовесом — управимся, — уверенно кивнул парень, изучая хитрые узлы из пластиковой ленты. — Главное, чтобы мачта не треснула.

Малахия молча улыбнулся, выслушав рассуждения молодых моряков, а затем развернулся и повел их обратно, к возвышающемуся в центре деревни круглому зданию.

— Сперва мы зайдем в храм, дети мои, — тихо произнес

кельт, пристукивая своим посохом по каменистой тропе. — Прежде чем говорить о земных границах, нужно укрепить дух.

Они переступили порог круглого пантеона, собранного из железных листов и обломков обшивки. Кристиан замер, оглядываясь: внутри царила гулкая прохлада, а на каждой из восьми стен была представлена своя религия, полностью отделенная от остальных. На первой стене высился суровый деревянный крест, на второй тускло блестел медный полумесяц, третья была отдана каменному силуэту Будды, а на следующих пестрели чудные символы древних и восточных верований, которые Кристиан никогда в жизни не видел. Парень медленно переходил от одной стены к другой, задрав голову.

— Какое странное место... — негромко произнес Кристиан, разглядывая причудливые знаки. — Отец Малахия, разве могут все эти боги уживаться под одной крышей? Мой отец всегда говорил, что у каждого народа своя истина, и они редко сходятся без драки.

Томас сурово насупился, разделяя сомнения парня, и недовольно покачал головой:

— Слышь, святой отец, Кристиан дело говорит. При всем уважении — но это же чистый грех! Нельзя в одном зале всем богам сразу молиться, когда на каждой стене своя религия намалевана. Наш корабельный священник в Бристоле за такое богохульство сразу бы анафеме предал. Господь у

нас один, и негоже Его с чужими идолами под одной крышей селить.

Малахия обернулся к боцману, и его взгляд стал загадочным и двусмысленным:

— На Большой земле ты прав, Томас. Но здесь, посреди Излома времени, Океан не разбирает, в какую церковь ты ходил дома. Перед лицом этой бездны все люди и все времена становятся равны. Бог найдет путь к твоему сердцу через любой символ, лишь бы молитва твоя была честной. А если твой Бог не услышит тебя на этой стене... что ж, всегда можно повернуться к другой. Главное, Кристиан, чтобы хоть кто-то из них присмотрел за тем, что ждет нас за чертой.

— А что нас ждет за чертой? — быстро спросил Кристиан, поймав этот странный намек священника.

Священник вместо ответа лишь молча повернулся и поманил их за собой наружу. Выйдя из храма, Малахия повел их в противоположную сторону, туда, где поселение упиралось в подножие высокой серой горы.

Здесь дорогу им преградила монументальная, глухая цементная стена. Она тянулась через весь полуостров от обрыва до обрыва. Верхний гребень стены был густо усыпан острыми, хищно поблескивавшими осколками битого бутылочного стекла, намертво вмурованными в раствор. Она была совершенно чистой, ровной и безмолвной.

Томас озадаченно подошел к преграде, потрогал пальцем острое стеклянное горлышко, торчащее из раствора, и удив-

ленно хмыкнул:

— А забор-то знатный, святой отец. Совершенно нетронутый, ни единой соринки. Только зачем городить такую махину со стеклом посреди дикого острова? От кого прячемся? От морских разбойников или от диких кабанов?

— Кабанов здесь нет, Томас, — тихо заметил Кристиан, прижимаясь ладонью к холодному бетону. — С той стороны вообще не слышно ни звука. Словно там мертвая пустыня. Отец Малахия, почему здесь такая гробовая тишина?

Лицо священника мгновенно посерьёзнело, а ответ прозвучал мрачно и двусмысленно:

— За этой стеной властвует Восточное течение, Томас. И ты прав, Кристиан, сейчас там тишина. Это течение несет в себе то, что приходит на смену старому миру. Там живут те, кто разучился мыслить и говорить. Обычно они совершенно равнодушны к нам и нашему поселению. Они бродят там, в своем времени, и никогда не смотрят в нашу сторону. Эта стена — просто граница.

— Тогда к чему эти стекла на вершине, если они равнодушны? — нахмурился Кристиан.

— Океан изменчив, сын мой, — Малахия загадочно посмотрел на гору. — Бывают редкие дни, когда из течения выносит вещи, обладающие страшной силой. Чужие механизмы, которые чуждо звенят или излучают свет. Дикари из будущего слепы к нашему миру, но они безумно, дико падки на этот зов. Если на острове окажется такая вещь, её невидимое

эхо заставит их сойти с ума. Они полезут через любой забор, круша всё на своем пути, лишь бы добраться до источника. И поверьте мне, лучше вам обоим никогда не застать тот день, когда эта стена перестанет быть безмолвной.

Беглецы молча переглянулись, чувствуя, как по спине пробежал первый настоящий холодок. Кристиан еще раз посмотрел на чистый, глухой цемент, понимая, насколько хрупким был мир на этом острове. Надвигались сумерки, и они начали молча готовиться к своей первой ночи на Острове Двух Течений.

Глава 3

Глава 3. Два течения

Ещё днём они заприметили лодки, вытащенные на каменистый берег полуострова. Корабельный опыт подсказывал Томасу, что эти странные посудины, намертво связанные из пустых ПЭТ-бутылок, — их единственный шанс разведать, что скрывают островитяне. Кристиан запомнил место, и они стали ждать.

Когда все заснули, и над пластиковыми крышами поселения повисла зловещая тишина, прерываемая лишь глухим рокотом прибоя, беглецы тенью выскользнули из лазарета.

Лодка из связанных бутылок отвратительно скрипела под их весом. Океанское течение подхватило их бесшумно, словно гигантская невидимая рука, и потащило вдоль берега, прочь от домов. Кристиан изо всех сил нажимал на самодельное весло, но стихия оказалась сильнее.

— Налево бери, малый, налево! — тяжело дыша, шептал старый боцман Томас. — Нас тащит к скалам!

— Не получается, дядя Томас! — воскликнул парень, вытирая пот со лба. — Вода словно взбесилась. Нас несёт на ту сторону! За стену!

Через полчаса бешеной гонки лодку с размаху выбросило на чёрный, покрытый склизкой тиной каменистый берег. Вокруг стоял удушливый, тяжёлый запах гнили и сырого мяса.

Из темноты, чуть дальше вглубь суши, доносились странные звуки — смесь утробного рычания, визга и чавканья.

Кристиан и Томас осторожно поползли вверх по камням, укрываясь за выступами скал. То, что они увидели при свете луны, заставило парня судорожно зажать рот ладонью, чтобы не закричать.

На поляне у костра копошились существа. С одной стороны это были крупные, грязные обезьяны, но с другой… с другой стороны это были люди. Абсолютно голые, с безумными, бессмысленными глазами и челюстями, испачканными в крови. Они дрались за куски мяса, издавая дикие звуки. В центре круга Кристиан разглядел обглоданные маленькие кости. Одна из женщин-дикарок с рыком рвала зубами плоть, совершенно не обращая внимания на ползающих рядом младенцев.

— Господи Иисесе… — побелевшими губами прошептал старик Томас, истово крестясь. — Они… они едят собственных детей, Кристиан. Это не люди. Это звери.

В этот момент под ногой парня хрустнула пластиковая канистра. Рычание на поляне мгновенно смолкло. Десятки безумных глаз уставились на скалу.

— Бежим! — взвыл Томас, хватая парня за шиворот и швыряя назад.

Они бросились прочь от костра, но темнота мгновенно взорвалась диким, многоголосым воем. За спиной раздался частый, пугающий топот — дикари преследовали их не как

люди, а как поджарые хищники, передвигаясь на четырех конечностях со зловещей, неестественной скоростью. Кристиан бежал, не разбирая дороги, легкие горели от ледяного ночного воздуха, а под ногами со свистом разлетался скользкий береговой мусор.

— Не оборачивайся, малый! Давай ходу! — хрипел сзади Томас.

Парень всё же мазнул взглядом по сторонам. Из темноты прибрежных зарослей наперерез им вымахнула тощая фигура. Ее кожа была покрыта струпьями, а изо рта капала слюна. Дикарь прыгнул со скалы, целясь Кристиану прямо в горло костлявыми пальцами с обломанными ногтями. Кристиан инстинктивно пригнулся, и в ту же секунду над его головой пронеслась тяжелая, как чугунное ядро, ладонь Томаса. Короткий, сокрушительный удар боцмана в челюсть твари отозвался сухим хрустом. Дикарь кубарем покатился по камням, но сзади уже накатывала целая стена живых тел.

Они мчались в гору, слыша за спиной злобное щелканье зубов и тяжелое, хриплое сопение. Чудовища дышали им прямо в спину, от них несло застарелой грязью, кровью и сыростью. Лодыжку Кристиана обожгло болью — кто-то из преследователей успел полоснуть его когтями по ноге. Но страх выжал из тела последние силы. Перед беглецами наконец выросла высокая серая цементная стена. Сверху хищно поблескивало битое стекло.

— Лезь! Лезь, малый, я подсажу! — орал боцман.

Кристиан взлетел на стену, не обращая внимания на то, как осколки бутылок режут ладони в кровь. Он перевалился на другую сторону и упал в мягкую траву. Следом, тяжело ругаясь и оставляя на стекле клочья кожи, перелез старый Томас. Сзади, со стороны дикарей, раздался разочарованный, звериный вой — они с размаху бились о цемент, но не смели приближаться к режущему стеклянному верху.

Парень лежал на траве, глядя на свои окровавленные руки, его трясло в истерике.

Томас тяжело рухнул рядом на спину, шумно втянул ртом воздух и, глядя на равнодушные южные звезды, глухо хохотнул:

— Ну что, малый... Колесо Фортуны и в этот раз нам не изменило. Старая кокетка покрутилась, скрипнула, но вывезла наши задницы из этой мясорубки. Мы живы, а это значит, что ужин сегодня отменяется. По крайней мере — ужин нами.

— Ну вот вы и увидели изнанку нашего рая, — раздался из темноты знакомый, певучий голос.

Из-за деревьев вышел отец Малахия. В руке он держал факел, его лицо было спокойным, почти скорбным.

— Вы! — Кристиан вскочил, сжимая кулаки. — Вы знали! Что это за чудовища?! Кто они такие? Почему вы держите их там, как скот?!

— Успокойся, мальчик, — тихо сказал кельт, втыкая факел в землю. — Мы никого не держим. Они сами приходят

туда.

— Откуда приходят?! — рявкнул Томас, заслоняя парня собой. — Из какого ада?!

Священник вздохнул и посмотрел на бушующее вдали море.

— Наш остров, дети мои, стоит на уникальном месте. На перекрестке двух великих океанских течений. Вы ведь заметили, из чего построены наши дома? Из мусора. Из ваших бутылок, железок, упаковок.

— При чём тут бутылки?! — крикнул Кристиан.

— При том, что первое течение — Западное — несет к нам людей и вещи из вашего времени. Из твоего настоящего, Кристиан. Из мира, который заваливает планету пластиком и считает себя венцом эволюции. Ты ведь приплыл оттуда?

— Да, но те, за стеной…

— А вот второе течение, — перебил его Малахия, и его голос упал до шепота, — Восточное. Оно идет с другой стороны земного шара, но… из другого времени. Оно несет людей из Будущего. Из того будущего, к которому ваш мир придет через триста лет.

Кристиан замер, чувствуя, как внутри всё заледенело.

— Что… что вы такое говорите? — пролепетал он.

— Тотальная деградация, — безжалостно отчеканил священник. — Ваш мир потребления уничтожил природу. Земля перестала рожать. Голод, химикаты и отказ от человечности ради выживания превратили ваших правнуков в то, что

вы видели у костра. Эволюция пошла вспять. Восточное течение вымывает их на тот берег — тупых, голодных, забывших человеческую речь и жрущих собственное потомство.

Малахия подошел к Кристиану и мягко коснулся его окровавленной руки.

— Теперь ты понимаешь, почему стена стеклянная? Это не просто защита. Это метафора, парень. Мы отгородились от своего собственного будущего вашим же мусором. И каждый день молимся в нашем храме, чтобы эти два течения никогда не слились воедино.

Глава 4

Глава 4. Бизнес на пластике

Жизнь на Острове Двух Течений имела свой неповторимый колорит. Точнее, стойкий, въедливый запах. Через три недели Кристиан поймал себя на мысли, что уже почти не замечает тяжелого аромата нагретого на солнце полиэтилена, из которого тут было сделано вообще всё — от кухонных мисок до подошв на калошах местных рыбаков.

Отец Малахия выделил им небольшой, заваленный каменистой крошкой участок земли у самой цементной стены и кучу строительного материала — три тонны прессованных пивных банок и гору разноцветных крышек от бутылок.

— Ну что, капитанский сынок, — старый Томас смачно сплюнул на землю и критически осмотрел их будущий дом, который пока напоминал уродливый разноцветный кубик. — Всю жизнь твой отец мечтал, чтобы ты унаследовал каменное поместье в Бристоле со слугами и камином. Радуйся, малый. У тебя теперь есть собственная вилла. Экологически чистая. Из-под немецкого пилснера. И главное — никакой аренды и налогов королевской налоговой службы.

— Дядя Томас, мне вообще-то не смешно, — Кристиан уныло пытался связать капроновой бечёвкой несколько двухлитровых бутылок из-под американской газировки, чтобы сделать подобие стропил для крыши. Пальцы уже ныли

от грубой нити. — Мы застряли на какой-то межвременной помойке. За стеной бегают наши одичавшие правнуки и мечтают сожрать нас на обед, а мы тут строим шалаш из чужого мусора! Это безумие.

— Ошибаешься, малый, — весело хохотнул боцман, легко поднимая огромный, стянутый проволокой тюк со сплющенным пластиком. Его мощные чёрные бицепсы лоснились от пота на солнце. — Это не помойка. Это цивилизация будущего, туды её в качель! Я вот вчера ходил на их местный рынок, ну, у полуострова. Специально приценяться. Знаешь, какая там сейчас самая твердая и уважаемая валюта?

— Какая? Золото? Испанские дублоны?

— Бери выше! Пятилитровые баклажки из-под чистой питьевой воды! За три такие баклажки местный умелец сотворил мне отличный нож из обломка старой корабельной обшивки. А за синюю крышечку от йогурта со мной так вежливо поздоровалась дочка старосты, что я чуть было не забыл, сколько мне лет, какого я цвета и что у меня дома в Бристоле осталась ворчливая тетка. Так что крути свои бутылки бодрее, Кристиан. Строим элитное жилье по местным меркам. Если повезет, проведем сюда канализацию из старых шлангов и станем первыми парнями на этой свалке веков.

Кристиан не выдержал и улыбнулся. Старик умел разрядить обстановку, даже когда вокруг рушился сам здравый смысл. Парень сел на корточки, вытирая лоб рукавом грязной, местами порванной холщовой рубахи.

— Отец Малахия сказал, что завтра утром придет Западное течение, — тихо произнес Кристиан, глядя на море. — Прибудет новая партия… груза из нашего времени. Или из будущего.

Томас сразу посерьёзнел. Его шутливый, разгульный тон испарился, как прибрежный туман. Он медленно подошел к серой цементной стене, посмотрел на острые осколки битого стекла, хищно поблескивавшие в лучах заката, и прислушался. С той стороны, из мрачного будущего, доносилось глухое, едва слышное потявкивание и скрежет когтей о бетон — одичавшие люди караулили добычу, чуя живое мясо по эту сторону забора.

— Да уж, — тихо проворчал старый негр, поглаживая рукоять нового ножа на поясе. — Наше с тобой время шлёт сюда бутылки, канистры и консервные банки, а их время — тех, кто всё это сожрал, уничтожил землю и сошел с ума от голода. Симбиоз, чтоб его. Знаешь, Кристиан, я сорок лет в море. Видел шторма, видел пиратов, видел, как акулы рвут матросов на части прямо у борта. Но к этому дерьму мой разум привыкать отказывается.

— Мы должны выбраться отсюда, Томас, — Кристиан поднялся и подошел к наставнику вплотную. — Мы не можем просто сидеть здесь до старости и строить дома из банок. Нужно как-то повернуть назад. Предупредить людей там, дома. Мой отец погиб, думая, что спасает меня ради будущего. Но если будущее ТАКОЕ… то ради чего была вся его жизнь?

Ради чего был наш «Альбатрос»?

Томас повернулся к парню, положил свою огромную, тяжелую мозолистую ладонь ему на плечо и снова хитро, по-доброму прищурился:

— Выбраться? На лодке из бутылок нас уже унесло к каннибалам, малый. Так что этот маршрут отпадает, если только ты не хочешь пойти к ним на суп в качестве главного ингредиента. Но ты прав. Настоящий моряк не пускает корни в туфту. Давай достроим эту пластиковую конуру, чтобы было где бросить кости на ночь, а потом пощупаем этого святого отца за его кельтскую рясу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.